

DOI:

DEEP IMPACT: БЫЛА ЛИ ХРИСТИАНИЗАЦИЯ АЛАНИИ ПОВЕРХНОСТНЫМ ЯВЛЕНИЕМ?

П. Оньибене

Христианизация Алании является вторым из трех обращений к христианству, произошедших в Европе к концу I тысячелетия. Процесс долгое время считался незавершенным, поскольку уже в XIII веке Федор, епископ Алании, считал, что аланы являются христианами только по имени. Однако такое видение является очень поверхностным и неточным: несомненно, что за столетия, последовавшие за обращением, в стране была достигнута форма религиозного синкретизма, поскольку предхристианская религия и христианство существовали параллельно, но христианское учение проникло настолько глубоко, что повлияло на имена Уасиллы и Уастырджи, которые, сохраняя все черты предхристианских фигур, носят имена христианских святых. Взаимодействие, или если хотите, воздействие, оказалось гораздо значительнее, чем можно было бы ожидать, и, вероятно, только политическая фрагментация помешала завершиться начатому процессу. В данной работе указан ряд случаев, в которых термины, связанные с христианством, замещали имена существовавших ранее языческих фигур и накладывались на названия традиционных осетинских календарных праздников.

Ключевые слова: Алания, христианизация Алании, Осетины, нартские сказания, религия.

Для цитирования: Оньибене П. Deep impact: была ли христианизация Алании поверхностным явлением? // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 153-162. DOI:

После знаменитой фразы аланского епископа XIII века Федора «Аланы – христиане только по имени»¹ [1, 409], а также после необходимости создания Общества восстановления православного христианства на Кавказе в XIX в. кажется, что влияние христианизации на средневековую Аланию справедливо было бы считать ничтожным или чисто поверхностным. Но эта идея по многим аспектам является ошибочной и вводит в заблуждение. Между девятым и десятым веками три разных христианизации меняют религиозный мир в восточной Европе. Первая по хронологии – это христианизация Болгарии, вторая – христианизация Алании, третья – христианизация Руси. За всеми этими тремя процессами стоит Византия. Хотя более или менее давняя история и показала нам, что наличие общего вероисповедания не исключает присутствия войн,

Византия твердо верила в то, что принадлежность к единой вере является фактором огромной значимости для дипломатии и в поддержании связей с другими странами. По этой причине делалось все, чтобы способствовать распространению христианства среди еще языческих народов посредством непрерывной деятельности, следуя идее управления, которая видела в союзе государства и церкви лучшую модель гарантии внутреннего порядка в империи. Византия понимала, что после обращения в новую веру церковная власть христианизированных земель стала бы полностью контролироваться центром, то есть Византией, что также повлияло бы и на внутренний политический пласт этих стран. На деле это реализовалось только отчасти, потому что вскоре некоторые церкви приобрели определенную независимость или автокефалию относительно центра.

Византия также занималась религиозными проблемами, связанными с предотвращением появления еретических движений, отклонений от ортодоксальности, используя практику переселения целых общин с одного региона империи в другой. Этот феномен оказал заметное влияние на судьбу по крайней мере одной христианизированной страны.

Обращение в христианство Болгарии явилось фундаментальным фактором для безопасности Византии на северных границах, но к сожалению продвижение Болгарского царства к христианству достаточно быстро свернуло в сторону богомильской ереси. До сих пор не умолкают споры по поводу того, считать ли богомилство ересью христианства или же это контаминация маникеизма на христианском фоне [2]. Вероятно, присутствие в регионе павликиан, депортированных из Анатолии, способствовало распространению богомилства. Чтобы очиститься от богомилства потребовалось время и усердие: ересь утвердилась в Боснии и в последующем оказала влияние на другие еретические движения, например, катары в Италии. Тем не менее со временем Болгария встала на путь ортодоксальности, от которого и не отходила в последующие столетия, в том числе даже в эпоху османского доминирования.

При других обстоятельствах происходила христианизация Руси. Для Византии Русь, наверное, являлась менее серьезной проблемой, чем ее болгарский сосед, но все-таки она оставалась фактором потенциального беспорядка и угрозы, которые конкретизировались тогда уже пару раз в набегах вплоть до Золотого рога с последующими договорами, отраженными даже в «Повести временных лет» [3, 12–13, 19–23].

Обращение Руси не увидело проблем подобно тем, что были у болгар, и относительно спокойный период времени по-

зволил сформировать церковный аппарат достаточно функциональный и разветвленный. И когда через более чем два века представилась ситуация действительной опасности со стороны монголов спустя менее двадцати лет после битвы на реке Калке, христианство являлось уже той силой, которая была в состоянии консолидировать общество, и таким образом даже в течение периода сильного монгольского вмешательства вера сохранилась и способствовала поддержанию единства народа. Эта роль схожа с той, что сыграло христианство в Армении веками ранее как элемент идентичности в то время, когда страна переходила от византийцев к сасанидам и наоборот².

Обращение в христианство Алании стало, вероятно, наиболее сложным для реализации делом. Этот процесс происходил на границе между византийскими и персидскими территориями: в отношениях этих двух империй война была нормой, а мирные передышки являлись лишь исключением. В их споры и разбирательства с самого начала вмешивались аланы, проникающие с севера хребта на его юг через перевал, название которого до сих пор носит их имя: Дарьял, Дар-е Алан/در الان/ در الان в персидских источниках и Бāб ал-Лāн/باب اللان в арабских. Не вызывает сомнений, что под народом, которому должен был быть запрещен транзит с севера на юг в договоре Лазики между византийцами и сасанидами, подразумеваются аланы [4, 261–272]. После арабско-хазарских войн, значительно ослабивших Хазарию, и после появления нового игрока на геополитической сцене, Руси Святослава, который разрушил Саркель или Белую Вежу согласно источникам³ [3, 27], аланы занимают в регионе первостепенное место; по крайней мере, исходя из советской историографии, ими была создана государственная форма, известная как средневековая Алания [5]. В этот период связи с Грузией расшири-

лись, и были частыми браки между аланскими и грузинскими князьями и княжнами: по всем аспектам осуществлялась брачная политика, схожая с той, что проводила Русь по отношению к половцам и которая привела накануне битвы на реке Калке к ряду «обязательств» между русскими и куманскими князьями, результаты которых всем широко известны⁴ [6, 62]. Влияние грузинской культуры на Аланию вырастает значительным образом. Подобно этому распространяется и христианство, следуя той же дорогой. Если инициатива христианизации принадлежала Византии, то на практике наиболее вероятным является приход христианства в Аланию из Грузии. В этом достаточно легко убедиться при анализе осетинской религиозной лексики и установлении ее происхождения. Основные термины христианской религии в осетинском грузинского происхождения: имя Христос в осетинском *Чырысти* | *Киристе*⁵ [7, 613; 8, 85] соотносится с грузинским *Kriste/ქრისტე* [9, 411], в свою очередь конечно же связанным с греческим *Χριστός* [10, 1277], *дзуар* | *дзуарæ*⁶ [7, 401-402; 8, 85-86]: “крест”, “святой”, “божество”, “святилище” связывается с грузинским *žvari/ჯვარი* [9, 475] “крест”, в осетинском произошло расширение значения термина, но первоначальное значение также сохранилось. *Мархо* | *мархуæ, мархуа*⁷ [11, 74-75; 8, 87] “пост” соответствует грузинскому *marxva/მარხვა* [12, 675] в том же значении; *барысчы* | *барæскъæ*⁸ [7, 238; 8, 87-88] “траур”, “пост” можно сопоставить с грузинским *paraskevi/პარასკევი* [12, 1005] и в свою очередь с греческим *Παρασκευή* “пятница” [13, 965]; *къуыри* | *къуæре*⁹ [7, 652-653] “неделя” соотносится с грузинским *k'vira/კვირა* [12, 610] и с греческим *κυριακή (ἡμέρα)* [13, 740] “воскресенье”: тот факт, что под термином *воскресенье* подразумевается неделя, не должен удивлять, для сравнения

подобная пара возникает в болгарском и русском – термин *неделя* в русском обозначает семь дней, а в болгарском *воскресенье*, день недели [14, 204]; *джиоргуба* | *геуæргоба*¹⁰ [7, 519; 15, 210-215] “праздник святого Георгия”, грузинское *giorgoba/გიორგობა* в том же значении; *Мыкалгабыртæ* | *Микалгабуртæ*¹¹ [11, 138-139; 13, 145-146; 8, 93] “название божества и святилища”, сравните грузинское *Mikel-Gabrieli*; *Таранджелоз*¹² [16, 231-232; 15, 159; 8, 93-94] “название божества и святилища”, грузинское *Mtavari-Angelozhi/მთავარანგელოზი* [9, 253] “архангел”; *касута*¹³ [7, 573; 8, 144-145; 15, 94] “название весеннего праздника” от грузинского *Kvašveti*, название одной из наиболее почитаемых церковью Грузии в честь Богородицы. Для обозначения Пасхи используется термин *куадзæн* | *коммуадзæн*¹⁴ [7, 604; 15, 140-142; 8, 92-93], происходит из *kom-wazæn* – букв. “освободить” (*wazæn*) [17, 37-39] и “рот” (*kom*) [7, 598-599], следовательно, термин осетинский, но построенный по модели из грузинского *p'iris gaxsna* [12, 1014, 388] с таким же буквальным значением. Другие случаи, такие как *зазхæссæн*¹⁵ [17, 290; 15, 135-137; 8, 92] “почитание мертвых” или *комахсæн* [8, 91, 92] тем не менее являются чисто осетинскими.

Итак, в десятом веке Алания принимает христианство, которое распространяется во всем регионе. Что же такое могло произойти, что через несколько веков аланскому епископу Федору позволило утверждать, что аланы христиане только по имени? Алания – это пограничный регион на территории, сложной географически, этнически и лингвистически: регион, таинственный настолько, что уже греки, после того как обнаружили, что Амазонок в Анатолии нет, определяют их размещение там, рядом с Метийским болотом, в землях, о которых

почти ничего не было известно, таким образом получая возможность сохранить миф¹⁷ [18, §§110-115]. Данный регион всегда завораживал тех, кто к нему приближался, и не только римлян и персов, но также и арабов, обративших внимание на его невероятное лингвистическое разнообразие и назвавших его «горой языков»/ جبل اللسان [19, 33-49]. Сильное впечатление о Кавказе отражено и в русской литературе: достаточно вспомнить многочисленные стихотворения Пушкина и Лермонтова и конечно же «Казачков» Толстого. В долинах внутри непроходимой горной цепи, настолько недоступной, что еще сегодня там не проходит ни одна железная дорога, выжили народы и языки глубокой античности. Но именно такая структура региона и способствует фрагментации, которая проявляется не только на лингвистическом уровне, но прежде всего на политическом. Обратите внимание на присутствие и сегодня целого ряда республик и автономных областей, характеризующего эту область, в особенности на севере, но в том числе и на юге горного хребта. Политическая раздробленность не способствовала распространению христианства, главным препятствием этому стало отсутствие сильной централизованной власти, которая была бы в состоянии укрепить и пропагандировать новую религию. Религиозное обращение в древности отличалось от индивидуального обращения, которое мы можем наблюдать сегодня. Тогда первым принимал новую религию государь, а вслед за ним и весь народ. Поскольку этот факт не являлся персональным решением, то единственной возможностью для его успеха было бы наличие постоянной последовательной деятельности на территории, поддерживаемой политической властью. Последовательность, доскональность и содействие стабильной политической власти – составляющие, которые не были обеспечены надолго

в Алании, результатом чего и явилось крушение процесса христианизации и отклонение не к состоянию ереси, но к религиозному синкретизму. Новое и старое не уничтожают друг друга, а уживаются между собой и частично накладываются друг на друга [20]. Такой же феномен произойдет и с исламской религией, когда она проникнет из Кабарды в Дигорию.

Несмотря на все это, почему же мы вправе говорить о глубоком влиянии христианства на аланское общество? Если такового бы не было, то нам бы не удалось обнаружить некоторые проявления, представленные прежде всего в эпосе Нартов и в системе осетинских традиционных праздников.

Первый случай. Начнем с главного персонажа – фигуры бога. Прежде всего констатируем, что существует один бог, к которому можно обратиться, хотя он и зовется богом богов. Используемый термин по-видимому кавказского происхождения, но присутствуют также попытки доказать его иранскую этимологию [15, 197; 8, 83-85]. Этот бог, к которому обращаются за помощью, обладает чертами, свойственными христианскому богу, и чертами ему чуждыми, кажется, что он не является всемогущим. Когда гении и духи просят бога устранить Батрадза, то слышат в ответ: «- Что я могу для вас сделать? Он родился без моего согласия, и его смерть не зависит от меня» [21, 333]. Но зато бог в состоянии изменить законы природы. Сатана, которая хочет увидеть своего сына в последний раз перед тем, как тот войдет в царство мертвых, обращается к богу так: «- Бог богов, мой бог, ведь можешь ты заглянуть в сердце матери! Сделай так, чтобы сегодня на горных снегах задержался подольше солнечный свет – холодное солнце мертвых. И по молитве ее на высоких горных снегах долго горело, не погасая,

холодное тусклое солнце мертвых» [21, 50]. Бог вмешивается в законы природы и продлевает день, проявляя милосердие к молящей его матери.

Второй случай. Фигура Уастырджи [17, 55-56; 8, 94-96]. Этот персонаж неоднократно появляется в эпосе нартов и в традиционных осетинских календарных праздниках [15, 210-216]. Уастырджи также является защитником воинов, рассказывают, что во время Первой мировой войны на австро-венгерском фронте осетинские солдаты построили небольшое молебное место в его честь [15, 214]. Уастырджи носит христианское имя и соответствует святому Георгию. Но от христианства у него только и есть что имя. В эпосе нартов, в заключительной части рассказа о двух братьях, он старается получить услуги Дзерассы в обмен на предложенную ей помощь. Далее в рассказе о рождении Сатаны им совершаются поступки, которые мало сочетаются с образом христианского святого.

Третий случай. Фигура Уацилла [17, 31-32; 8, 96]. Он мстителен, может посылать молнии в наказание, его можно легко и быстро рассердить, что не позволяет даже оплакивать сраженного молнией человека и похоронить его вместе с другими умершими. Тем не менее имя Уацилла означает святой Илья.

Четвертый случай. Потусторонний мир. В рассказе «Сослан в царстве мертвых» мы сталкиваемся с описанием загробного мира нартов. Нельзя сказать, что этот мир как-то упорядочен, он является без сомнения хаотичным [21, 201-216]. В отличие от классического загробного мира, где имеет место общее страдание для душ всех умерших независимо от того, как они вели себя в течение земной жизни (вспомним, например, диалог Одиссея и Ахилла во время спуска первого в ад)¹⁷ [23, 118], в потустороннем мире нартов существует связь между поведением в течение жизни и судьбой

в загробном мире. Но царство мертвых хаотично: есть рай (*дзæнæт* | *дзæнет*)¹⁸ [7, 394] и ад (*зындон* | *зындонæ*, *дзындонæ*)¹⁹ [17, 322], но души умерших располагаются рядом друг с другом, каждая со своим вознаграждением или наказанием. До конца не ясно, можно ли каким-то образом связать такое видение загробной жизни с зороастрийским потусторонним миром, описанным в Арда Вираз намаге/*Ardā vīrāz nāmāg* [23], которое после перешло частично в арабский мир через Книгу лестницу/*كتاب المعراج*, переведенную в итоге на кастильский и провансальский языки. Вне всяких сомнений этот загробный мир в какой-то мере напоминает христианский, где поведение во время земной жизни определяет исход в загробном мире. Ничего не говорится о продолжительности кары, бесконечна ли она и придет ли конечное спасение для всех. В зороастрийском потустороннем мире эта тема, наоборот, является центральной, там нет бесконечной кары, поскольку нельзя за вину, совершенную в конечном времени, нести бесконечное наказание. Но кажется, что зороастризм не затронул иранские народы на севере Кавказского хребта, значит, моделью послужило что-то другое.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что даже если некоторые фигуры во многом сохраняют языческие характеристики, они приобрели христианское имя. А обладая такой силой проникновения в дохристианскую структуру, христианство не могло быть поверхностным явлением. Подобно тому как в фонологической системе осетинского и армянского языков присутствие фонем собственно кавказских и чуждых другим индоевропейским языкам объясняется тесным и долгим контактом с народами-носителями кавказских языков, таким же образом проникновение христианских имен, заменяющих первоначальные имена языческих божеств, могло быть возможно

только через сильное давление христианства, которое не оказалось доминирующим, но глубоко затронуло языческий статус, к которому в большинстве случаев оно присоединилось, не замещая его и оставаясь на века в тени.

Примечания:

1. «*χριστιανοί δε μόνον ονόματι Αλανοί*».
2. Армения долго находилась на стыке интересов между Римом и Парфией, а затем между Византией и сасанидским Ираном. Принятие христианства стало фундаментальным элементом для сохранения национальной идентичности на долгие периоды, когда страна находилась под властью персидской империи.
3. «Повесть временных лет», 6473: «В лѣто 6473 иде Святославъ на козары слышавше же козари изидоша противъ съ княземъ своимъ Каганомъ и съступишася битися и бывши брани одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ Бѣлу Вежю взя и ясы побѣди и касогы».
4. «Новгородская первая летопись», въ лѣто 6732: «Съ же Котянь бѣ тѣсть Мьстиславу Галицькому. И приде съ поклономъ съ князи Половьцьскими къ зяти въ Галич къ Мьстиславу и къ всемъ княземъ русьскимъ [...] Мьстислав же поця молитися княземъ русьскимъ, братьи своеи».
5. ИЭС, 1, 613: «Из груз. *kriste* (← гр. *χριστός*). Из грузинского идут некоторые другие термины христианского культа; см. *zvar*, *marxo*, *Tarangeloz*, *Giorguba* и др.».
6. ИЭС, I, 401-402: «Как и ряд других терминов, связанных с христианской пропагандой и культом, идет из грузинского: груз. *ǰvari* крест. Расширение значения в сторону божество, святилище вытекает из религиозной символики креста; ср. такую же семантику грузинского *xat'i* образ, икона, святилище, святой, божество [...] Из грузинского и осетинского слово проникло в другие языки Кавказа: адыг. *ǰor* крест, идол, каб. *ǰor*, балк. *ǰor*, *zor*, абх. *a-ǰar*, инг. *zharg* крест. Груз. *ǰvari* не является, по видимому, коренным (картвельским) словом. Оно сближается с груз. *zovarak'i* жертвоприношение (Март и Смирнов. Вышапы. Л. 1931, стр. 88) и вместе с последним словом может восходить к ср.иран. *zōhr*, др.иран. *zauθra*- жертвоприношение».
7. ИЭС, II, 74-75: «Из груз. *marxva* пост; отсюда и инг. *marxæ*, чеч. *marxwa* id. Груз. *marxva* – из парф. *pāhr* (← *pāθra*-) охрана (Андроникашвили 256)».
8. ИЭС, I, 238: «Один из терминов греко-христианской религии, проникший в осетинский, вероятно, через грузинское посредство: груз. *p'arask'evi* (← гр. *παρασκευή*) пятница. Сюда же примыкает удин. *p'arask'i*, инг. *p'arask'æ*, чеч. *p'erisk'in*, абаз. *beresk'eš* пятница, каб. *berazeu*, убых. *berask'ä* среда. Развитие значения пятница → пост объясняется тем, что в пятницу было принято соблюдать пост. Для пятницы в осетинском другое слово: *majræmbon*. Начальное *b-* (вместо *p-*) – результат диссимилятивного озвончения, ср. *bit'na*, *but'ro*, *git'ri* и др. (Ахвледиани 41 сл.). Ср. другие слова христианского культурного круга: *k'wiri* неделя, *marxo* пост».
9. ИЭС, I, 652: «Из груз. *k'vira* Неделя, воскресенье. Первоисточник гр. *κυριακή* (ἡμέρα) воскресенье. Сюда и чеч. *k'vire*, инг. *k'iræ* неделя, заза *kiryε* воскресенье».
10. ИЭС, I, 519: «Из груз. *giorgoba* праздник св. Георгия, *giogobis tve* месяц ноябрь».
11. ИЭС, II, 139: «Вс. Миллер (ОЭ I, 121) ошибочно видел в *Mykal* искаженное Николай, а *gabyrtae* понимал как бугры (?). В действительности в *Mykalgabyrtae* имеем сращение имен архангелов Михаила и Гавриила, снабженное показателем множественности *-tae*. Ср. груз. *Mikel-Gabriel*i (груз. сл. V, 472), мегр. *Mikjam-Gario* (из *Gabri-o*)

(Кипшидзе), абх. Mknqaria (Гулия. Сборник абхазских пословиц. Сухуми, 1939, стр. 158). Ср. Tarangeloz из груз. mtavarangelozі архангел. О языческих корнях культа архангелов Михаила и Гавриила см. Шестаков. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1970, стр. 29–36».

12. ИЭС, III, 232: «Из груз. Mtavar-Angelozі Архангел. Сюда же сван. Taringzel, абх. Tarǵalaz (Христю Восток IV 97). На грузинской почве славилась церковь Mtavar-Angelozі в Кахети в Гречи (1565). Культ архангелов Михаила и Гавриила существовал еще под названием Mykalgabyrtæ (ИЭС II, 138)».

13. ИЭС, I, 573: «Из груз. Kvašvetі название одного из чтимых в старину храмов посвященного богородице. Ср. аналогичное происхождение Alardy наименование божества».

14. ИЭС, I, 604: «Из *kom-wazæp* буквально отпускание (*wazæp*) рта (*kom*); ср. груз. *p'iris gaxsna* в этом же значении. Для ассимиляции *mw→ww* (*komwazæp→kowwazæp→kwazæp*) ср. *æwwajyn* из **ætwwajyn*, *æwwærdyn* из **ætwwærdyn*, *æwwilyn* из **ætwwilyn*. См. *kom* и *wazyn*».

15. ИЭС, IV, 290: «Буквально приношение (*xæssæp*) веток тисса (*zaz*); см. *zaz* и *xæsss yn*. Впоследствии вместо тисса фигурировали елка (д. *nazuj xist*) или верба, но название удержалось старое. Обычай связан, как считают, с памятью о пальмовых ветвях, которыми жители Иерусалима приветствовали Христа. Отсюда нем. *Palmsonntag*».

16. Hdt. IV, 110: «ὄτε Ἑλληνας Ἀμαζόσι ἐμαχέσαντο [...], τότε λόγος τοῦς Ἑλληνας νικήσαντας τῆ ἐπὶ Θερμώδοντι μάχῃ ἀποπλέειν ἄγοντας τρισὶ πλοίοισι τῶν Ἀμαζόνων ὅσας ἠδυνέατο ζωγρῆσαι, τὰς δὲ ἐν τῷ πελάγει ἐπιθεμένας ἐκκόψαι τοῦς ἄνδρας. πλοῖα δὲ οὐ γινώσκειν αὐτὰς οὐδὲ πηδαλίοισι χρᾶσθαι οὐδὲ ἰστίοισι οὐδὲ εἰρεσίῃ· ἀλλὰ ἐπεὶ ἐξέκοψαν τοῦς ἄνδρας, ἐφέροντο κατὰ κύμα καὶ ἄνεμον».

17. *Od.* XI, 482–485: “σειο δ’ Ἀχιλλεῦ, οὗ τις ἀνὴρ προπάροιθε μακάρτατος οὐτ’ ἄρ’ ὀπίσω. πρὶν μὲν γάρ σε ζωὸν ἐτίομεν ἴσα θεοῖσιν Ἀργεῖοι, νῦν αὖτε μέγα κρατέεις νεκύεσσιν ἐνθάδ’ ἐών”; *Od.* XI, 488–491: “μὴ δὴ μοι θάνατόν γε παραύδα, φαίδιμ’ Ὀδυσσεῦ. Βουλοίμην κ’ ἐπάρουρος ἐὼν θητεύεμεν ἄλλω, ἀνδρὶ παρ’ ἀκλήρω, ᾧ μὴ βίωτος πολὺς εἶη, ἣ πᾶσιν νεκύεσσι καταφθιμένοισιν ἀνάσσειν”.

18. ИЭС, I, 394: «Из араб. *jannat* рай. В ходу у мусульманских народов: перс. *jannat*, тур. *žennet*, каб. *ženet* и др.».

19. ИЭС, IV, 322: «Считается заимствованным из перс. *zindān* тюрьма (Stackelberg, *Balt. Monatsschrift* XXXVIII 8, 674; Древности восточные I, 2137. В. Миллер ОЭ II 83; Gr. 29; Hübschmann *Oss.* 124; Arm. Gr. 151; PSt. 70; Benveniste, *Études* 140. В народной этимологии осмысляется как место (*don*) тягот (*zyn*)».

1. *Theodorus*. Sermo episcopalis ad Constantinopolim morantesque in ea episcopos, qui propter rerum eventus prolixus, quanquam pleraque sunt breviata. *Patrologia Graeca*, CXL, col. 387–414.

2. *Detkova, I.* Bogomilismo e dualismo iranico: il “neomanicheismo”. Dottorato di ricerca Bisanzio e Eurasia. 20° ciclo/2008. Coordinatore Antonio Carile; relatore Antonio Panaino. 153 p.

3. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Ар-

географической комиссией. Санктпетербург: В типографии Эдуарда Праца, 1846. Т. 1: I. II. Лаврентиевская и Троицкая летописи. 267 с.

4. *Ognibene P.* Gli Alani tra la Persia e Bisanzio // *Bizantinistica. Rivista di Studi Bizantini e Slavi*, 2009. Serie II. Anno XI. Pp. 261-272.

5. *Ванеев, З. Н.* Средневековая Алания. Сталинир: Госиздат Южной Осетии, 1959. 184 с.

6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.-Л.: АН СССР, 1950. 642 с.

7. *Абаев, В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: АН СССР, 1958. Т. I: А-К'. 655 с.

8. *Ognibene, P.* Religione e sfera del sacro nel lessico osseto // *Lumina. Rivista di linguistica storica e letteratura comparata*. 2020. No.4. Pp. 79-106.

9. Англо-грузинский словарь. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1979. 528 с. (на груз. яз.)

10. *Chantraine, P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. I: А-Δ. Paris, 1968: Klincksieck, pp. 1368.

11. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. II: Л-Р. Ленинград, 1973: Наука. Ленинградское отделение, с. 449.

12. Рубинашвили Д. Грузино-русский словарь. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1984. (на груз. яз.)

13. *La Magna, G., Annaratone, A.* Vocabolario greco-italiano. Milano: Signorelli, 1975. 1597 p.

14. Руско-български речник. I: А-О/Под редакцията на С. Влахов, Г. А. Тагамлицяка. София: Наука и изкуство, 1986. 1104 с.

15. *Чибилов, Л. А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1976. 282 с.

16. *Абаев, В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1979. Т. III: S-T'. 359 с.

17. *Абаев, В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1989. Т. IV: U-Z. 325 с.

18. Hdt. = Herodotus. Ed. C. Hude, Oxford (OCT).

19. *Danylenko, A.* "Mountain of Tongues". The Languages of the Caucasus in Arabic-Islamic Sources // *Armenia, Caucaso e Asia Centrale. Ricerche 2021. Collana Eurasiatica*, 18. Pp. 33-50.

20. *Ognibene, P.* Alani. I: "La riscoperta", il nome, l'Alania medioevale. Milano: Mimesis. Indo-Iranica et Orientalia. Series Lazur, 5. 151 p.

21. Ирон адæмы Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон АССР-ы падн дзахадон рауагъдад, 1948. 504 с. (на осет. яз.)

22. *Ognibene, P.* Escape from the Land of the Dead: Nart Sagas, Divine Comedy and the Journey Through the Afterlife // *Iran & the Caucasus*. No. 26/3. Pp. 201-216.

23. *Гомер.* Одиссея, М.: Художественная литература, 1986. 270 с.

24. *Gignoux, Ph.* Le livre d'Arda Virâz. Paris: Éditions recherches sur les civilisations, 1984. 88 p.

Ognibene, Paolo – University of Bologna (Bologna, Italy); paolo.ognibene4@unibo.it

IMPACT. WAS THE CHRISTIANIZATION OF ALANIA JUST A SURFACE PHENOMENON?

Keywords: Alania, Christianization of Alania, Ossetes, Nart epos, Religion.

The Christianization of Alania is the second of the three great conversions to Christianity that took place in Europe towards the end of the first millennium. The process has long been considered incomplete, since even Theodorus in the 13th century considered the Alans to be Christians in name only. However, this view is very partial and inaccurate: it is undeniable that in the centuries following the conversion, a form of religious syncretism was reached in the country because the pre-Christian religion and the Christian religion coexisted, but the Christian message penetrated deeply enough to affect the names of Wacilla and Wastyrgi, who, while retaining all the features of pre-Christian figures, bear the names of Christian saints. The interaction or, if preferred, the impact was therefore much more extensive than one might imagine, and probably only political fragmentation prevented the process from being completed. In this paper, part of the cases in which the terms related to Christianity overlapped in the name of pre-existing pagan figures and in the system of traditional Ossetian calendar festivals are indicated

For citation: Ognibene, P. Deep impact. Was the Christianization of Alania just a Surface Phenomenon? // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 48 (87). Pp. 153-162. (in Russian). DOI:

References

1. Theodorus. Sermo episcopalis ad Constantinopolim morantesque in ea episcopos, qui propter rerum eventus prolixus, quanquam pleraque sunt breviata. *Patrologia Graeca*. CXL, col. 387-414.
2. Detkova, I. Bogomilismo e dualismo iranico: il neomanicheismo. Dottorato di ricerca Bisanzio e Eurasia. 20° ciclo/2008. Coordinatore Antonio Carile; relatore Antonio Panaino, pp. 153.
3. *Polnoe sobranie russkikh letopisei, izdannoe po vysochaishemu povelenyu Arkheograficheskoyu kommissieyu* [Complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archaeographic Commission]. T. 1: I. II. *Lavrentievskaya i Troitskaya letopisi* [Vol. 1: I. II. Laurentievskaya and Troitskaya chronicles]. Sanktpeterburg, V tipografii Eduard da Pratsa, 1846. 270 p.
4. Ognibene, P. Gli Alani tra la Persia e Bisanzio. *Bizantinistica. Rivista di Studi Bizantini e Slavi*. XI, pp. 261-272.
5. Vannev, Z. N. *Srednevekovaya Alaniya* [Medieval Alania]. Stalinir, Gosizdat Yuzhnoi Osetii, 1959. 184 p.
6. Nasonov, A. N. (ed.). *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov* [Novgorod First Chronicle]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1950. 642 p.
7. Abaev, V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1958, vol. I: A-K. 655 p.
8. Ognibene, P. Religione e sfera del sacro nel lessico osseto. *Lumina. Rivista di linguistica storica e letteratura comparata*, 2020, no. 4, pp. 79-106.
9. *Inglisur-kartuli leksik'oni* [English-Georgian Dictionary]. Tbilisi, Sabch'ota Sak'artvelo, 1979. 528 p. (in Georgian)
10. Chantraine, P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. I: A-Δ. Paris, Klincksieck, 1968, 1368 p.

11. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Leningrad, Nauka, 1973, vol. II: L-R. 449 p.
12. Rubinashvili, D. *Kartul-rusuli leksik'oni* [Georgian-Russian Dictionary]. Tbilisi, Sabch'ota Sak'artvelo, 1984. (in Georgian)
13. La Magna, G., Annaratone, A. *Vocabolario greco-italiano*, Milano, Signorelli, 1975. 1597 p.
14. Vlachov, S., Tagamlicka, G. A. (eds). *Rusko-bălgarski rečnik* [Russian-Bulgarian Dictionary]. Sofija, Nauka i izkustvo, 1986, I: A-O.
15. Chibirov, L. A. *Narodnyi zemledel'cheskii kalendar' osetin* [Ossetian Folk-Agricultural Calendar]. Tskhinvali, Iryston. 1976. 282 p.
16. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheski slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Leningrad, Nauka, 1979, vol. III: S-T'. 359 p.
17. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Leningrad, 1989, Nauka, vol. IV: U-Z. 325 p.
18. Hdt. = Herodotus. Ed. C. Hude, Oxford (OCT).
19. Danylenko, A. Mountain of Tongues. The Languages of the Caucasus in Arabic-Islamic Sources. Armenia, Caucaso e Asia Centrale. Ricerche 2021. A cura di D. Artoni, C. Frappi, P. Sorbello. Venezia, 2021: Edizioni Ca' Foscari. Collana Eurasiatica, 18, pp. 33-49.
20. Ognibene, P. Alani. I: La riscoperta, il nome, l'Alania medioevale (Alans.xadon I: The Rediscovery, the Name, Medieval Alania). Milano: Mimesis. Indo-Iranica et Orientalia. Series Lazur, 5, pp. 151.
21. *Osetinskie nartovskie skazaniya* [Ossetian Nart sagas]. Dzaudzhikau, 1948. 504 p. (in Ossetian)
22. Ognibene, P. Escape from the Land of the Dead: Nart Sagas, Divine Comedy and the Journey Through the Afterlife". *Iran & the Caucasus*. 26/3, pp. 201-216.
23. Gomer. *Odisseya* [Odyssey]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1986. 270 p.
24. Gignoux, Ph. *Le livre d'Arda Virāz*. Paris, 1984: Éditions recherches sur les civilisations. 288 p.